

УБИТЬ КУКЛУ

Надежда Черкасова

Москва
2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ч-48

Оформление серии *Окольциной Е.*

Черкасова, Надежда Анатольевна.

Ч-48 Убить куклу: [роман] / Надежда Черкасова. — Москва: Эксмо, 2018. — 352 с. — (Сердце пополам. Детективные романы Н. Черкасовой).

ISBN 978-5-04-099854-8

Рано лишившись родных, Лера сумела выжить в детдоме, поэтому научилась сносить тяготы, лишения и привыкла не ждать ничего хорошего. И вот, казалось бы, ее жизнь начала налаживаться: она получила образование, нашла хорошую работу, удачно вышла замуж. Но новый удар судьбы не заставил себя долго ждать: любимый муж стал инвалидом, и свекровь обвинила во всем Леру. А потом и весь их городок ополчился на Леру, сочтя ее ведьмой, виновной сразу в нескольких убийствах, по странному совпадению случившихся рядом с ней. Все это началось после того, как Лера подобрала в парке брошенную кем-то куклу необыкновенной красоты. Неужели она может быть не просто безобидной игрушкой, а орудием убийства?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-099854-8

© Черкасова Н., 2019
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

*«В несчастье судьба всегда
оставляет дверку для выхода».*

Мигель де Сервантес Сааведра

Глава 1

Кто-то пытается убить в себе дракона, виновника низменных человеческих страстей, а Лера мечтала убить в себе куклу, которую дергают за веревочки все кому не лень. Осталось потерпеть каких-нибудь три недели, и связь с ненавистным прошлым оборвется навсегда, тогда и с куклой будет покончено. Она больше никому не позволит указывать, что ей делать и как жить. А пока перед ней одна задача — выжить.

Лера тенью кралась по пустому коридору, замирая на мгновение и прислушиваясь. Сердце билось так громко, что казалось, его стук эхом отражается от голых серых стен, унылых даже под лучами восходящего солнца, проникающего сквозь высокие окна. До подъема еще полчаса, а этажом выше уже гуляют неясные шорохи, гулкие звуки одиночных шагов: детский дом нехотя просыпается.

Надо спешить. Прежде чем свернуть за угол, Лера осторожно высунула голову и, убедившись, что коридор по-прежнему свободен, проскользнула к заветной двери. Вставив в замочную скважину большую искореженную скрепку и крутнув несколько раз, открыла дверь и юркнула в приемную. По сравнению с первым препятствием мощная дверь директорского кабинета, обитая черным дерматином, казалась неприступным бастионом, но ни одному бастиону не устоять перед желанием Леры узнать истину.

Одежный шкаф вполне подходил под временное убежище. Еле успев прикрыть за собой его дверцу, Лера услышала, как, повозившись ключами в замках открытых дверей, в приемную и затем в кабинет вошла уборщица. Гремя ведром и ловко орудуя шваброй, она за считанные минуты прошла по облезлому паркету, недовольный старческий голос бормотал: «Убираешь тут, убираешь каждый день, а оно опять натоптано. Эх, грехи наши тяжкие! Заставить бы их самих за собой мыть, не пачкали бы».

Дождавшись, пока уборщица выйдет и стихнут ее удаляющиеся шаги, Лера перебралась за плотную штору, собранную складками, и приникла худеньким телом к стене.

«Неужели я сделала глупость? Может, надо было оставить все как есть? — подумала она, прижимая ладони к плоскому животу, чтобы заглушить урчание. — И завтрак пропущу. Но ведь это того стоит? Или нет? Лишь бы в обморок не упасть».

Стараясь превозмочь головокружение, Лера глотала пресную слюну и представляла на белой плоской тарелке с голубой каймой огромный кусок хлеба с маслом, а сверху еще и внушительный ломоть сыра. Рядом стоял стакан с дымящимся горячим какао. Вот только отведать лакомства у нее не получалось. Как только она подносила бутерброд ко рту, он исчезал вместе с ароматным сладким напитком. Мечты-мечты! Лера и дня не помнит, чтобы ее не мучил голод. Теперь она не отказалась бы и от обыденной утренней овсянки на воде и даже с удовольствием выпила бы стакан мутноватой, чуть подслащенной жидкости, именуемой чаем.

Лера выглянула из-за шторы. В горле пересохло, и даже слюна глоталась с трудом. На роскошном столе директрисы красовался графин с водой. Луч солнца добрался и до него, отбрасывая бриллиантовые блики на зеркальную полировку. Как же хочется пить! До стола пара шагов. А еще нужно

налить воду в стакан, бесшумно, не расплескав и не поперхнувшись, чтобы ненароком не закашляться, быстро выпить и вернуться обратно. Притом что в любой момент в кабинет может войти секретарша, уже с полчаса возившаяся в приемной.

Нет, лучше не рисковать, так как последствия даже вообразить страшно. Хотя нет, как раз этот проступок Леры непременно истолкуют как помутнение рассудка, после чего вколют какую-нибудь дрянь и отправят в психушку. Такое уже проделывали с другими воспитанниками. Лера теперь первая на очереди, в этом даже сомневаться не приходится. Странно, что она до сих пор в полном здравии, ведь в детдоме уже не осталось ни одного выпускника с закрепленной за ним при поступлении жилплощадью, а за Лерой числится нехилая трешка в центре города, оставшаяся после смерти бабушки.

Холодный утренний воздух, проникающий в щель открытого уборщицей окна, заставлял поежиться. Лера теснее прижалась к стене, чувствуя, как старый кирпич возвращает ей тепло тела. То и дело подступала тошнота, колени предательски подгибались.

«Ничего, — успокаивала себя Лера, — надо только потерпеть немного, совсем чуть-чуть. Ведь вся жизнь в этой обители для несчастных — одно сплошное терпение. И кто дотерпит, тот победитель. У меня обязательно получится. Получалось же все эти четырнадцать лет».

Наконец в приемной раздались голоса, кабинет наполнился вздохами и пыхтением. Включив сотовый, Лера настроила глазок видео, протиснув его сквозь узкую щель между шторой и тюлем. Она боялась упустить даже самую малость из происходящего.

— Ты худеть не собираешься? Пора бы и о здоровье подумать. Я уже не говорю о фигуре. Хотя твоему наверняка уже все равно. Или его еще тянет на подвиги?

Лариса Дмитриевна, невысокая, крепко сбитая сотрудница отдела опеки и попечительства, налила воду в стакан, залпом выпила и только после этого расположилась на просторном диване перед журнальным столиком. Привычку говорить со всеми назидательным и непререкаемым начальственным тоном она приобрела, работая в детдомовской школе учительницей математики. Лера до сих пор помнит ее испепеляющий взгляд и напор, с которым Лариса Дмитриевна вдалбливала в «тупые головы недоумков» утверждения превосходства всевозможных формул и цифр. Вот и теперь создавалось впечатление, что она гвозди вколачивает в стену, или, того и гляди, схватит указку и треснет ею по голове собеседника, как не раз лупила подвернувшегося под горячую руку воспитанника — чтобы тот не перечил.

— Ох и язва же ты, Ларка. Своего нет, так ты моего готова с грязью смешать. Разве не знаешь, что завидовать грех? — парировала Антонина Семеновна, директриса детдома, открывая шкаф и кокетливо поправляя перед зеркалом, встроенным в дверцу, жиденькие волосы.

— Было бы чему завидовать, так позавидовала бы, не постеснялась.

— Да уж, ты у нас не из стеснительных. Только сначала своего заведи, а потом и изгаляйся над ним сколько влезет. А моего не трожь! Моя семья — не твоя забота.

Директриса кинула равнодушный взгляд на собеседницу, закрыла шкаф, чуть прикрыла окно и с трудом втиснула роскошные формы в начальственное кресло. Обилие еды, приносимой на завтраки, обеды и ужины заботливой поварихой, никоим образом не способствовало сдерживанию аппетита, а потому пылающие щеки Антонины Семеновны лоснились от жира, а тело добрело изо дня в день, что к истинной доброте не имело никакого отношения.

— Ладно тебе обижаться-то, — фыркнула директриса.

— Я на дураков не обижаюсь, себе дороже, — надменно проговорила Лариса Дмитриевна.

— Так как с нашим делом? Решайся уже, меньше трех недель осталось.

— А ты понимаешь, что без ножа меня режешь? Я не могу обидеть бедную сиротку.

— Да знаю я, какая ты у нас добрая и жалостливая! — не унималась Лариса Дмитриевна. — Других обирала до нитки, а эту вдруг пожалела? С чего бы это? Или хочешь в этом деле без меня обойтись? Так не выйдет, не на ту напала!

— Не могу я так больше, душа не на месте.

— Обеспечь сначала себя к старости, потом о душе будешь думать. Тебе до пенсии всего ничего, а ты никак не поумнеешь. Сейчас надо думать о завтрашнем дне, сегодня. Завтра уже поздно будет. Зачем упускать то, что само в руки идет? Тоня, пойми, она, как и все остальные, уедет отсюда, и ни одна собака о тебе не вспомнит. И ты под старость лет не будешь нужна никому! — вбила очередной гвоздь Лариса Дмитриевна.

— Лара, да что же ты такое говоришь?! У меня муж, дети. Это у тебя, кроме кота, никого.

— Вот именно! Я что, твоего муженька-лодыря не знаю, который всю жизнь сидит на твоей шее да на баб помоложе заглядывается? Вот только не надо такую постную мину корчить! Кто, как не я, твоя подруга, скажет тебе правду в глаза? А ты цени это! Другие льстят без всякого зазрения совести, а сами за твоей спиной интриги плетут. Я же, напротив, помочь пытаюсь. А ты уперлась рогом, как упрямая корова, да еще глаза закрыла, чтобы не видеть, что у тебя под носом делается.

— Ну что ты такое говоришь?!

— Я знаю, что говорю! Или деток своих возьми: один уже лет пять как в Москве и глаз не кажет, потому что у

него там своя жизнь. Другой сын тоже с тобой не живет. И ты им нужна только как подмога. Что — не зовут они тебя к себе? И не позовут, если ты не поможешь им жильем собственным обзавестись. А на какие, спрашивается, шиши? Вот я тебе предлагаю дело, на котором мы бы с тобой неплохо заработали, а ты сама отказываешься от своего блага. Знали бы твои детки, которые чужие клоповники снимают за бешеные деньги да нужду испытывают, не сказали бы тебе спасибо.

— Лара, перестань! — отмахнулась пухлой ручкой Антонина Семеновна. — Будет тебе преувеличивать-то! Мне и без тебя тошно.

— Не перестану. Ты ведешь себя как собака на сене: и сама не ам, и мне не даешь кусок пожирнее отхватить.

— Да чем же я-то тебе мешаю? Ешь сколько влезет.

— А тем, что отказываешься помогать. Без тебя-то я разве справлюсь?

— А если нас разоблачат?

— Как?! И главное — кто? Те, кто сам не прочь полакомиться чужим? Так мы с тобой не жадные, поделимся с кем нужно. Уплывет квартира-то! Ты ею пользовалась много лет, сдавала внаем, денежку хоть и копеечную, но получала же. Неужто не жалко будет кому-то даром отдавать? Я тебе раньше предлагала реализовать ее, а ты вот дождалась, пока девчонка подросла. Теперь сложнее будет. Да, кстати, а что это ты о ней так печешься? Уж не родственница ли она тебе какая?

— Скажешь тоже! Да разве позволила бы я родственнице в детдом попасть?

— Ну так давай действовать! Теперь у нас одна возможность беспрепятственно получить квартиру — признать Славину недееспособной. Другого пути нет.

Лера чуть было не вскрикнула. Зажав рот ладонью, она чувствовала, как по щекам бегут слезы. В ней еще теплилась

крохотная надежда, что речь идет не о ней, а о ком-то другом. Но теперь сомнений не осталось: именно ее собираются упрятать в психушку, чтобы отобрать квартиру.

— Жалко девочку. Такая уменькая, рассудительная. Даже воспитанники к ней уже давно не пристают с разборками, привыкли видеть ее читающей. Знаешь, как они ее прозвали? Гура. Это от слова «гуру», представляешь? Потому что она почти на любой вопрос знает ответ. Книжный, конечно, и мало что с жизненным опытом имеющий, но все-таки. У меня никогда с ней не было проблем. Куда пошлешь, туда и идет. Что скажешь, то и делает. Просто мечта, а не воспитанница. Не то что другие — оглоеды. Эх, были бы все такими тихими, как она!

— И чего ты так ею умиляешься, не пойму? Забыла, как она чуть не утопила в речке твоего любимчика-стукача?

— Не забыла. И у нее могут нервы сдаться. Топили человек десять, все они потом были строго наказаны. В том числе и она. Да, девочка поддалась чувству стадности. Такое в детдоме бывает.

— А другой случай, год назад, когда она чуть не зарезала пацана украденным в столовой ножом, как ты назовешь? Это самая что ни на есть настоящая попытка убийства, которую ты тихонько замяла.

Лера вспомнила случившееся и стиснула зубы. Как жаль, что ее успели оттащить от этой твари. Никогда она не забудет то, что он с ней сделал. Поэтому и попыталась отомстить за себя. А когда не получилось, загнала душевную боль в угол и приказала, как собаке, лежать смирно до поры до времени. Чтобы когда-нибудь иметь возможность своей затаившейся псине выкрикнуть: «Фас!», стоило тогда выжить. Так что этому ничтожеству не уйти от возмездия. Рано или поздно!

— А может, она в число твоих стукачей входит?

— Нет, не может. Она не такая.

— Да хватит уже ей дифирамбы-то петь! Детдомовка — она и есть детдомовка. А с них спрос один — по всей строгости. Так ты решилась или нет?

— Жалко мне ее.

— Жалко?! А ты думаешь, она тебя пожалеет, если что? Дождись! Тоня, ты меня знаешь: я кланяться не буду. Не войдешь в долю, я сама спровоцирую Славину на неадекватный поступок с помощью других воспитанников и по-любому упеку в психушку. Не видать ей своей квартиры, как воли вольной. Решайся, все равно спать спокойно из-за нее не будешь, а так хоть польза какая-то. У меня и поддельные документы для продажи уже готовы. Ты бы спасибо сказала, что в обход тебя не иду.

— Хорошо-хорошо! Уговорила, — сдалась наконец Антонина Семеновна. — Пусть будет по-твоему. Сегодня же вечером приглашу ее в кабинет, а отсюда она отправится уже в психлечебницу.

— Вот и ладненько. Моя помощь требуется?

— Нет. Ты готовь документы и ищи покупателя. Квартирантов я уже выселила, так что можно показывать. Актом для лечебницы я займусь немедленно. А через неделю — подождем на всякий случай, пока слухи о ее исчезновении поутихнут как между воспитанниками, так и между воспитателями, — можно будет и квартиру продать.

— А что с новым жильем? Такой удобный случай не скоро подвернется. Ведь уже семь лет ни одной квартиры, а тут администрация расщедрилась сразу на несколько. Ну, вспомни, ведь лишь пару раз, не считая этого, нам так повезло. Надоело уже по мелочам-то рисковать. Вот теперь у нас настоящее дело, на миллионы. Для этого я уже и документы начала собирать... Да успокойся ты! — в сердцах произнесла Лариса Дмитриевна, видя, как широкое лицо Антонины Семеновны покрывается красными пятнами. — Никто на улице не останется. Все получат по комнатенке,

пусть крохотной и в коммуналке, но куда им больше-то? Нам лишь бы нужную галочку в нужном месте поставить. Тогда и разбираться с этим никто не будет.

— А если найдется кто?

— Велика беда! Откупимся!

Лера слушала и ушам не верила. Они говорили так откровенно и так буднично, словно речь шла о лишении детей просмотра кинофильма в качестве наказания. И не за какую-то явную провинность, а чтобы доказать, кто в доме хозяин. Но главное — даже пожаловаться некому. Можно, конечно, но только через опекуна, которым является сама же директриса детдома. Лера отключила телефон и сунула в карман. Прижала ледяные ладони к пылающему лицу: только бы получилось!

Другой счастливый случай, чтобы оказаться в нужное время в нужный час, ей вряд ли представится. Но лучше не вести речь о своенравной и капризной удаче. То, что Лера здесь и сейчас, — ее личная заслуга. И для этого она держала ушки на макушке, нос по ветру, а потенциальных источников информации, которые вполне могли оказаться заклятыми врагами, — на прицеле. Вот и сделала вывод, что именно сегодня, с приездом Ларисы Дмитриевны из администрации из заштатного Энска, и решится ее судьба.

Улучшив момент, пока дамы вышли прогуляться и «помыть руки» перед предстоящей обильной трапезой, а секретарша, стоя на стуле, рылась в толстых папках на верхних полках высокого стеллажа, Лера незамеченной выбралась из кабинета и приемной. Она со всех ног летела в свою комнату, тешась надеждой, что девчонки принесли ей из столовой хоть что-нибудь поесть. Однако ни кусочка хлеба, ни даже стакана чая она на тумбочке не обнаружила. Обыскала соседские — ни крошки. И в комнате никого. Наверное, после завтрака воспитанников собрали в актовом зале,